

pISSN 2073-2872
eISSN 2311-875X

Международные экономические отношения

ДЕОФШОРИЗАЦИЯ КАК ВАЖНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Екатерина Юрьевна ТРИГУБ

аспирантка факультета международных экономических отношений,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация
ekatrigub@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0743-8203>
SPIN-код: 8242-4151

История статьи:

Рег. № 97/2022
Получена 28.02.2022
Получена в
доработанном виде
16.03.2022
Одобрена 28.03.2022
Доступна онлайн
14.04.2022

УДК 336.227

JEL: F21, G38, H26

Ключевые слова:

деофшоризация,
офшорные юрисдикции,
уклонение от уплаты
налогов,
многонациональные
компании, прямые
иностранные инвестиции

Аннотация

Предмет. Система экономических отношений, связанная с функционированием офшорных юрисдикций.

Цели. Анализ современных тенденций деофшоризации. Разработка актуального определения термина «деофшоризация».

Методология. Применены методы логического и статистического анализа.

Результаты. Определен уровень зависимости российской экономики от офшоров, и установлено, что большая часть прямых иностранных инвестиций поступает в Россию из офшорных и спарринг-офшорных юрисдикций.

Выводы. Необходимы меры по деофшоризации экономики России в целях формирования благоприятного инвестиционного климата.

© Издательский дом ФИНАНСЫ и КРЕДИТ, 2022

Для цитирования: Тригуб Е.Ю. Деофшоризация как важное направление экономической политики // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2022. – Т. 18, № 4. – С. 770 – 784.
<https://doi.org/10.24891/ni.18.4.770>

Политика деофшоризации, активно реализуемая после мирового экономического кризиса 2008–2009 гг., стала неотъемлемой частью реформирования международной финансовой системы. После состоявшегося в апреле 2009 г. Лондонского саммита «Большой двадцатки» стала обсуждаться тема борьбы не столько с офшорными юрисдикциями как таковыми, сколько с главными негативными последствиями их функционирования: с недобросовестной налоговой конкуренцией, а также с содействием «отмыванию» денежных средств и финансированием

терроризма [1]. Этот период ознаменован началом нового этапа деофшоризации – усилившимся противодействием офшорным юрисдикциям со стороны международных институтов, а также многих стран [2]

Единого, унифицированного определения термина «деофшоризация» не существует. Одним из первых, кто ввел в научный оборот рассматриваемый термин и сформулировал для него определение, является российский эксперт А.С. Захаров¹. Под деофшоризацией он подразумевает проведение государством комплекса мероприятий в законодательной, правоприменительной и информационной областях для снижения или исключения впоследствии вовлеченности в национальный хозяйственный оборот резидентов под видом иностранных лиц или с использованием иностранных правовых конструкций, преследующих преимущественно незаконные или недобросовестные цели².

Согласно иному подходу, которому следует И.З. Ярыгина, деофшоризация трактуется как проведение государством политики, направленной на совершенствование налоговой, законодательной, правоприменительной и информационной сфер деятельности субъектов хозяйствования в целях снижения бегства капитала и его репатриации [3].

Существуют и другие дефиниции этого термина, но в целом очевидно, что исследователи подразумевают под политикой по деофшоризации экономики деятельность отдельно взятых государств. Характерной чертой современной антиофшорной политики является ее осуществление на национальном и международном уровнях [4], поэтому целесообразно рассматривать и классифицировать деофшоризацию исходя из трех уровней: национального, регионального и глобального.

Для национальной деофшоризации свойственно ее осуществление со стороны суверенных государств, для региональной деофшоризации характерна ее реализация в рамках интеграционных объединений (в первую очередь, Европейского союза), для глобальной деофшоризации – ее проведение международными институтами. Ведущими международными центрами, разрабатывающими и актуализирующими антиофшорные меры, являются Организация экономического сотрудничества и развития³, Группа

¹ Александр Захаров: Минфин ввел Путина в заблуждение по офшорам.
URL: https://www.pravda.ru/economics/1518943-ofshore_russia/

² Идрисова Л.Р. Роль территорий Российской Федерации опережающего социально-экономического развития в деофшоризации Российской Федерации // Экономика и право. XXI век. 2016. № 1. С. 118–125.

³ The Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD).
URL: <https://www.oecd.org/about/>

разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег⁴. При этом к основному направлению деятельности первой из них относится борьба с недобросовестной налоговой конкуренцией, а второй – пресечение «отмывания» денежных средств и финансирования терроризма [5]. Многие предложения по деофшоризации мировой экономики поступают также от неформальных институтов, к которым относятся «Большая семерка» и «Большая двадцатка».

Важно различать термины «национальная деофшоризация», «региональная деофшоризация» и «глобальная деофшоризация». Отличительным признаком рассматриваемых процессов является ответственное лицо, реализующее антиофшорную политику на каждом из уровней.

В свою очередь, термин «деофшоризация» можно интерпретировать как комплекс мероприятий, осуществляемых суверенными государствами, региональными интеграционными объединениями, международными институтами и призванных снизить или исключить ущерб от функционирования офшорных схем.

К ущербу от реализации офшорных схем для оншорных стран относятся:

- недополучение налоговых поступлений в бюджет;
- легализация преступных доходов;
- неконтролируемый (во многих случаях нежелательный) вывод капиталов из-под юрисдикции;
- ухудшение инвестиционного климата в государстве;
- рост угрозы национальной экономической безопасности в силу аккумуляции финансовых активов в офшорных юрисдикциях;
- ухудшение международного имиджа государства и т.д.

Рассмотрим роль деофшоризации в развитии экономики России. Необходимость реализации политики деофшоризации вызвана тем, что оншорные государства, в том числе и Россия, испытывают на себе негативные последствия от функционирования офшорных юрисдикций. Потребность в осуществлении деофшоризации российской экономики обусловлена тем, что значительная часть потоков капитала – прямые

⁴ Financial Action Task Force on Money Laundering. URL: <https://www.fatf-gafi.org/home/>

иностранные инвестиции, кредиты, займы – связана с офшорами. Данный факт особенно очевиден при анализе прямых иностранных инвестиций.

Согласно географической структуре иностранных инвестиций, поступающих в экономику России, а также исходящих из нее инвестиций, на долю офшорных и офшоропроводящих (спарринг-офшорных)⁵ [6] юрисдикций приходится преобладающая часть от общего объема данных инвестиций. К спарринг-офшорным юрисдикциям обычно относят такие страны, как Нидерланды, Великобритания, Люксембург, Ирландия, которые являются более престижными юрисдикциями, в отличие от классических офшоров, и при этом так же, как офшоры, предоставляют налоговые льготы для нерезидентов в рамках офшорных схем⁶. Эксперты в сфере налогообложения называют организации, связанные с такими престижными юрисдикциями, «компаниями-прокладками» [7].

По данным Центрального банка Российской Федерации, для российской экономики пятью ведущими иностранными инвесторами являются именно офшорные и спарринг-офшорные юрисдикции (*табл. 1*). На начало 2021 г. объем накопленных прямых иностранных инвестиций в России составил почти 450 млрд долл. США, при этом на долю Кипра пришлось 32% (более 144 млрд долл. США) от всего объема инвестиций.

В число пяти лидеров по этому показателю также вошли:

- Бермудские острова (48 млрд долл. США, или 11%);
- Нидерланды (свыше 38 млрд долл. США, или 9%);
- Великобритания (более 32 млрд долл. США, или 7%);
- Багамские острова (около 24 млрд долл. США, или 5%).

Кипр на протяжении многих лет является абсолютным лидером по объему прямых иностранных инвестиций, направляемых в Россию. Так, доля Кипра в 2019–2021 гг. колебалась в диапазоне от 31% до 34% и составляла около трети всех накопленных прямых иностранных инвестиций. В совокупности за эти годы на пять крупнейших юрисдикций приходилось от 62 до 64% накопленных прямых иностранных инвестиций.

⁵ Хейфец Б.А. Деофшоризация российской экономики: возможности и пределы. М.: Институт экономики РАН, 2013. 63 с.

⁶ Хейфец Б.А. Неспешная деофшоризация // Прямые инвестиции. 2014. № 4. С. 64–68.

В 2019–2021 гг. лидером – реципиентом по накопленным российским инвестициям был Кипр (табл. 2). Если к началу 2019 г. прямые инвестиции из России в кипрскую экономику составляли более 166 млрд долл. США, то к началу 2021 г. – почти 190 млрд долл. США, что повлияло на усиление позиций Кипра и увеличение его доли по названному показателю в общем объеме инвестиций на 2% (с 48% до 50%).

На начало 2021 г. второй страной – получателем российских инвестиций (свыше 29 млрд долл. США, или 8%) являлась Австрия, а третью строчку в рейтинге занимали Нидерланды (около 25 млрд долл. США, или 7%). В число пяти крупнейших реципиентов российских инвестиций также вошли Швейцария (более 18 млрд долл. США, или 5%) и Великобритания (15 млрд долл. США, или 4%).

Согласно докладу Международного валютного фонда, опубликованному в декабре 2019 г., доля накопленных прямых иностранных инвестиций в экономике России, направленных из «компаний-пустышек», составила 57,9% от общего объема данных инвестиций в 2017 г. Россия в данном отчетном периоде стала общемировым лидером по объемам накопленных прямых иностранных инвестиций⁷. Именно за счет таких номинальных компаний, не осуществляющих реальной деятельности и зарегистрированных, например, в Нидерландах, Люксембурге, у заинтересованных сторон имеется возможность скрывать фактическую страну происхождения инвестиций. Примечательно, что в реальности эти «фантомные» инвестиции «компаний-пустышек» нередко являются российскими, а не иностранными по происхождению.

На конец 2017 г. объем накопленных в России прямых иностранных инвестиций составлял 441,1 млрд долл. США, из них 255 млрд долл. США – это вложения «компаний-пустышек» из офшорных или спарринг-офшорных юрисдикций, истинная локация инвестора которых прямо связана с другим государством. Около 23% инвестиций (102 млрд долл. США) являлись «круговыми», то есть это средства российских организаций, сначала выведенные за рубеж, а затем переведенные обратно уже в виде прямых иностранных инвестиций⁸. За счет функционирования «компаний-пустышек» достигаются цели по оптимизации налогообложения и сокрытию реальных бенефициаров.

⁷ Damgaard J., Elkjaer T., Johannesen N. What is Real and What is Not in the Global FDI Network? URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2019/12/11/what-is-real-and-what-is-not-in-the-global-fdi-network>

⁸ МВФ оценил долю «фантомных» иностранных инвестиций в России. URL: <https://www.rbc.ru/economics/18/12/2019/5df78cc59a79470da759cc2e>

В целом доля офшорных юрисдикций в рамках исходящих прямых инвестиций из России за 2007–2019 гг. составила более 54%, а с учетом спарринг-офшорных юрисдикций – около 74%. За этот же временной интервал доля офшоров, из которых в Россию поступали прямые иностранные инвестиции, составила свыше 36%, а спарринг-офшорных юрисдикций – почти 72%. Таким образом, порядка 70% всех потоков инвестиций приходились на эти группы юрисдикций [8].

Характерной для России чертой является то, что перевод значительной части прямых инвестиций из России осуществляется ограниченным числом крупных многонациональных компаний (МНК). На долю 15 крупнейших МНК (за исключением двух государственных банков – «Сбербанка» и «ВТБ») на конец 2017 г. приходилось 28% от всего объема исходящих инвестиций. В тройку лидеров этого рейтинга вошли такие участники глобальных цепочек создания стоимости, связанные с природными ресурсами, как «Лукойл», «Газпром» и «Роснефть». Зарубежные активы «Лукойла» составили 26,7 млрд долл. США, что соответствовало 29% всех активов; общий объем зарубежных активов «Газпрома» составил 19,5 млрд долл. США (6%), а «Роснефти» – 17 млрд долл. США (8%).

Помимо этих структур крупнейшими МНК по объему зарубежных активов являлись «Севергрупп», «РЖД», «НЛМК», «Полиметалл», «Совкомфлот» и т.д. В рейтинге фигурируют 15 МНК, из которых шесть – это подконтрольные государству компании: «Газпром», «Роснефть», «Совкомфлот», «Атомэнергопром», «РЖД» и «Зарубежнефть»⁹.

С течением времени перечень ведущих российских МНК согласно объему зарубежных активов почти не изменился. На конец 2019 г. величина зарубежных активов у МНК скорректировалась незначительно. В тройку лидеров по-прежнему входят «Лукойл», «Газпром» и «Роснефть». Величина зарубежных активов «Лукойла» увеличилась до 28,8 млрд долл. США, что составило 30% от всей суммы активов. Зарубежные активы «Газпрома» и «Роснефти» сократились до 18,9 млрд долл. США (5%) и 13,6 млрд долл. США (7%) соответственно [9].

Большинство этих МНК связаны с офшорными юрисдикциями. Например, около 84% акций «НЛМК» принадлежит гражданину России В. Лисину, однако формальным собственником этой доли является компания Fletcher Group Holdings Ltd., зарегистрированная на Кипре [10]. По состоянию на 31 января 2022 г., согласно официальным данным компании «Лукойл», более

⁹ World Investment Report 2019. Special Economic Zones.

URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2019_en.pdf

5% акционерного капитала МНК принадлежит кипрской компании Cyproman Services Ltd¹⁰.

Введенные со стороны Запада санкции против России оказали непосредственное влияние на раскрытие многонациональными компаниями информации о зарубежных активах. С течением времени становится все сложнее оценивать реальные зарубежные активы МНК: опасаясь усиления антироссийских ограничительных мер, компании стали предоставлять меньше исчерпывающей информации о зарубежных активах, а также формировать менее прозрачную отчетность в рамках данного аспекта¹¹.

Исходя из представленной статистики, можно сделать вывод о том, что пока принятые меры по деофшоризации экономики России не принесли значительных результатов. Однако, можно говорить о «точечных» успехах. Так, в 2020 г. один из крупнейших мировых производителей алюминия «РУСАЛ» осуществил перерегистрацию с о. Джерси в специальный административный район (САР) в Калининградской области (о. Октябрьский). Причина изменения места регистрации компании «РУСАЛ» была связана с введением санкций со стороны США в отношении основного владельца МНК – О.В. Дерипаски [9].

Несмотря на то, что существует немало вариантов вывоза капитала из России, многие из них реализуются за счет внешнеторговых операций с участием офшорных юрисдикций [11]. С функционирующими офшорными (спарринг-офшорными) юрисдикциями связана и внешняя торговля России. Например, одними из крупнейших партнеров России из стран дальнего зарубежья в 2020 г. являлись Нидерланды и Великобритания (*рис. 1*). Общий товарооборот России в 2020 г. составил 568 млрд долл. США, при этом на долю Нидерландов пришлось 5% (29 млрд долл. США) от всего товарооборота, а на долю Великобритании – 4,7% (26 млрд долл. США). Российский товарный экспорт в Нидерланды был равен 25 млрд долл. США, что соответствовало 7,4% от всего экспорта в размере 336 млрд долл. США, а в Великобританию – 23 млрд долл. США (6,8%).

Определить масштабы офшоризации российской экономики позволяют сведения об офшорных активах. Согласно оценке агентства Bloomberg, общий объем российских активов, переведенных в офшорные юрисдикции

¹⁰ Акционерный капитал.

URL: <https://lukoil.ru/InvestorAndShareholderCenter/Securities/sharecapital?>

¹¹ Россия в международном движении капитала в 2018 – начале 2019 года: аналитический доклад.

URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/022/russia-v-mdk-2018-nach-2019.pdf>

за 1994–2018 гг., составил 750 млрд долл. США¹². Сохранение даже части этих активов в рамках национальной экономики позволило бы нивелировать проблему нехватки капитала внутри страны, увеличив объем инвестиций в реальный сектор экономики; эти средства могли бы быть использованы для увеличения валютных резервов.

Согласно докладу организации Tax Justice Network, обнародованному в 2020 г., совокупные налоговые потери России из-за МНК, которые уклоняются от уплаты налогов за счет офшорных юрисдикций, и богатых граждан, скрывающих свои активы и доходы в офшорах, составляют 5,1 млрд долл. США за год. При этом больший объем налоговых потерь приходится на уклонение от уплаты корпоративных подоходных налогов МНК, так как он равен больше 4,7 млрд долл. США. Оставшиеся почти 0,4 млрд долл. США – это потери из-за уклонения богатых домохозяйств от уплаты налогов. Если сопоставить этот убыток в размере 5,1 млрд долл. США с определенными статьями расходов, то он мог бы покрыть, например, 9,37% годовых расходов на здравоохранение¹³.

Безусловно, вывод средств за рубеж в целях уклонения от уплаты налогов негативно сказывается на экономике России, в частности на формировании доходной части бюджета. В случае уклонения от уплаты налогов объем налоговых поступлений снижается. При этом закономерно, что основными виновниками налоговых убытков стран – доноров капиталов (в том числе и России) являются офшорные юрисдикции. Наибольший вклад в налоговые потери других стран вносят такие юрисдикции, как Каймановы острова, Великобритания, Нидерланды, Люксембург.

Мировой экономический кризис 2008–2009 гг. активизировал политику деофшоризации. Из-за изменения подхода основных заинтересованных сторон к осуществлению антиофшорной политики в настоящее время релевантной является политика по деофшоризации на национальном, региональном и глобальном уровнях. Такой подход к осуществлению антиофшорной политики требует актуализации определения термина «деофшоризация» согласно современным реалиям, что и выполнено автором в данной статье.

Как для любой страны – донора капитала, для России крайне важно принимать соответствующие меры, направленные на снижение уровня

¹² Capital Flight from Russia Carries \$750 Billion Price Tag.
URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-03-12/capital-flight-from-russia-carries-750-billion-price-tag-chart>

¹³ The State of Tax Justice 2020. URL: <https://taxjustice.net/reports/the-state-of-tax-justice-2020/>

офшоризации экономики, который остается высоким. Это позволит России избежать неконтролируемого и нежелательного оттока капитала в офшорные юрисдикции, что в конечном итоге окажет положительное влияние на развитие российской экономики.

Таблица 1

Прямые иностранные инвестиции в экономику Российской Федерации по основным странам-инвесторам в 2019–2021 гг.

Table 1

Foreign direct investments in the economy of the Russian Federation by major investing countries in 2019–2021

Юрисдикция	Накопленные прямые иностранные инвестиции (принцип направленности)	
	1 января 2019 г.	
	сумма, млн долл. США	доля, % от общего объема
Кипр	124 732	31%
Бермудские острова	29 830	7%
Нидерланды	40 356	10%
Великобритания	14 933	4%
Багамские острова	39 031	10%

Продолжение

Юрисдикция	Накопленные прямые иностранные инвестиции (принцип направленности)	
	1 января 2020 г.	
	сумма, млн долл. США	доля, % от общего объема
Кипр	166 597	34%
Бермудские острова	37 584	8%
Нидерланды	40 946	8%
Великобритания	32 776	7%
Багамские острова	25 929	5%

Продолжение

Юрисдикция	Накопленные прямые иностранные инвестиции (принцип направленности)	
	1 января 2021 г.	
	сумма, млн долл. США	доля, % от общего объема
Кипр	144 855	32%
Бермудские острова	47 969	11%
Нидерланды	38 484	9%
Великобритания	32 275	7%
Багамские острова	23 618	5%

Источник: составлено автором на основе: Банк России. Статистика внешнего сектора.

URL: https://cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/

Source: Authoring, based on the Bank of Russia data.

URL: https://cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/

Таблица 2

**Прямые инвестиции из Российской Федерации
в экономику стран-получателей в 2019–2021 гг.**

Table 2

**Direct investments from the Russian Federation in the economy
of recipient countries in 2019–2021**

Юрисдикция	Накопленные прямые иностранные инвестиции (принцип направленности)	
	1 января 2019 г.	
	сумма, млн долл. США	доля, % от общего объема
Кипр	166 398	48%
Австрия	26 710	8%
Нидерланды	40 415	12%
Швейцария	17 760	5%
Великобритания	6 378	2%

Продолжение

Юрисдикция	Накопленные прямые иностранные инвестиции (принцип направленности)	
	1 января 2020 г.	
	сумма, млн долл. США	доля, % от общего объема
Кипр	203 080	50%
Австрия	26 642	7%
Нидерланды	34 543	8%
Швейцария	16 827	4%
Великобритания	18 984	5%

Продолжение

Юрисдикция	Накопленные прямые иностранные инвестиции (принцип направленности)	
	1 января 2021 г.	
	сумма, млн долл. США	доля, % от общего объема
Кипр	189 997	50%
Австрия	29 318	8%
Нидерланды	25 079	7%
Швейцария	18 523	5%
Великобритания	15 460	4%

Источник: составлено автором на основе: Банк России. Статистика внешнего сектора.

URL: https://cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/

Source: Authoring, based on the Bank of Russia data.

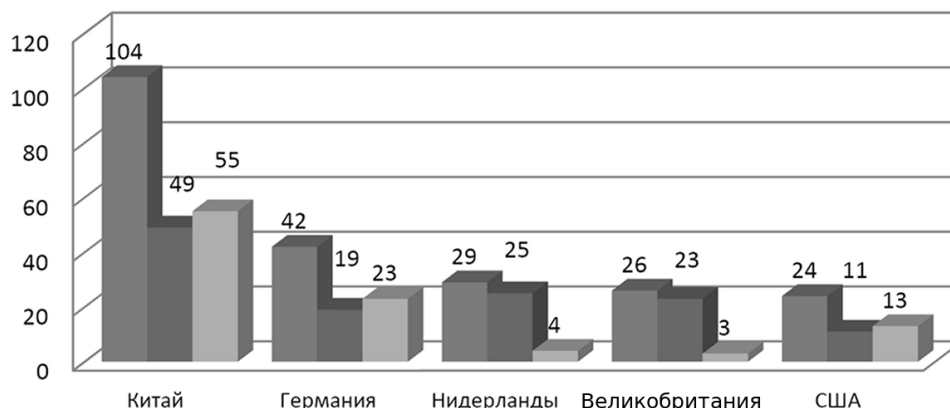
URL: https://cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/

Рисунок 1

Основные торговые партнеры Российской Федерации среди стран дальнего зарубежья в 2020 г., млрд долл. США

Figure 1

Main trading partners of the Russian Federation among far-abroad countries in 2020, billion USD

Примечание. По каждой стране слева направо представлены данные соответственно по товарообороту, экспорту, импорту.

Источник: авторская разработка на основе данных Федеральной таможенной службы.

URL: <https://customs.gov.ru/>

Source: Authoring, based on the Federal Customs Service data. URL: <https://customs.gov.ru/>

Список литературы

1. Худякова Л.С., Кулакова В.К., Сидорова Е.А. и др. Новые подходы к глобальному финансовому регулированию: монография. М.: Институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, 2015. 162 с.
2. Тригуб Е.Ю. Эволюция положения офшорных юрисдикций в глобальной экономике // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2021. № 12. С. 108–113. URL: <https://doi.org/10.37882/2223-2974.2021.12.41>
3. Ярыгина И.З. Деофшоризация: проблемы и решение // Экономика. Налоги. Право. 2016. Т. 9. № 2. С. 43–50. URL: <http://elibrary.ru/art2016/bv1974.pdf/download/bv1974.pdf?lang=en>
4. Саргсян Л.М. Структура международной системы регулирования офшорных зон: современное состояние и перспективы развития // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные

- отношения и мировая политика. 2016. № 2. С. 31–54.
URL: https://fmp.msu.ru/attachments/article/417/SARGSYAN_2016_2.pdf
5. *Хейфец Б.А.* Офшорные юрисдикции в глобальной и национальной экономике: монография. М.: Экономика, 2008. 335 с.
6. *Булатов А.С.* Россия в международном движении капитала: перелом тенденций // *Вопросы экономики*. 2017. № 5. С. 148–158.
URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2017-5-148-158>
7. *Кривопустова Е.С., Андрианов В.Д.* Офшоры и деофшоризация экономики // *Общество и экономика*. 2014. № 5. С. 53–91.
8. *Головнин М.Ю.* Трансграничное движение капитала в России: перспективы трансформации внутренней и географической структуры // *Финансы: теория и практика*. 2020. Т. 24. № 6. С. 161–173.
URL: <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2020-24-6-161-173>
9. *Кузнецов А.В.* Прямые инвестиции из России за рубеж: изменения с 2018 года // *Общественные науки и современность*. 2021. № 1. С. 5–15.
URL: <https://doi.org/10.31857/S086904990013992-3>
10. *Кузнецов А.В.* Методы оценки прямых российских инвестиций за рубежом // *Экономическая наука современной России*. 2018. № 4. С. 37–50.
URL: https://www.ecr-journal.ru/jour/article/view/333?locale=ru_RU
11. *Андрианов В.Д.* Причины, масштабы и экономические последствия оттока капитала из России. В кн.: *Россия: тенденции и перспективы развития: сборник статей*. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2016. С. 100–110.

Информация о конфликте интересов

Я, автор данной статьи, со всей ответственностью заявляю о частичном и полном отсутствии фактического или потенциального конфликта интересов с какой бы то ни было третьей стороной, который может возникнуть вследствие публикации данной статьи. Настоящее заявление относится к проведению научной работы, сбору и обработке данных, написанию и подготовке статьи, принятию решения о публикации рукописи.

pISSN 2073-2872
eISSN 2311-875X

International Economic Relations

DEOFFSHORIZATION AS AN IMPORTANT DIRECTION OF ECONOMIC POLICY

Ekaterina Yu. TRIGUB

Financial University under Government of Russian Federation,
Moscow, Russian Federation
ekatrigrub@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0743-8203>

Article history:

Article No. 97/2022
Received 28 Feb 2022
Received in revised
form 16 March 2022
Accepted 28 Mar 2022
Available online
14 April 2022

JEL classification:

F21, G38, H26

Keywords:

deoffshorization,
offshore jurisdiction,
tax evasion,
multinational company,
foreign direct
investment

Abstract

Subject. The article considers the system of economic relations associated with the functioning of offshore jurisdictions.

Objectives. The focus is on the analysis of current trends in deoffshorization, development of an up-to-date definition of the 'deoffshorization' term.

Methods. The study employs methods of logical and statistical analysis.

Results. The paper determines the level of dependence of the Russian economy on offshore companies. It establishes that most of foreign direct investments come to Russia from offshore and sparring-offshore jurisdictions.

Conclusions. To create a favorable investment climate, measures to deoffshorize the Russian economy are required.

© Publishing house FINANCE and CREDIT, 2022

Please cite this article as: Trigub E.Yu. Deoffshorization as an Important Direction of Economic Policy. *National Interests: Priorities and Security*, 2022, vol. 18, iss. 4, pp. 770–784.
<https://doi.org/10.24891/ni.18.4.770>

References

1. Khudyakova L.S., Kulakova V.K., Sidorova E.A. et al. *Novye podkhody k global'nomu finansovomu regulirovaniyu: monografiya* [New approaches to global financial regulation: a monograph]. Moscow, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of RAS Publ., 2015, 162 p.
2. Trigub E.Yu. [Development of the position of offshore jurisdictions in the global economy]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Ekonomika i pravo = Modern Science: Actual Problems of Theory*

- and Practice*, 2021, no. 12, pp. 108–113. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.37882/2223-2974.2021.12.41>
3. Yarygina I.Z. [De-offshorization: Problems and solutions]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, Taxes & Law*, 2016, vol. 9, iss. 2, pp. 43–50.
URL: <http://elib.fa.ru/art2016/bv1974.pdf/download/bv1974.pdf?lang=en>
(In Russ.)
 4. Sargsyan L.M. [Structure of the international anti-offshore regulation system: Current state and prospects]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25. Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika = Moscow University Bulletin of World Politics*, 2016, no. 2, pp. 31–54.
URL: https://fmp.msu.ru/attachments/article/417/SARGSYAN_2016_2.pdf
(In Russ.)
 5. Kheifets B.A. *Ofshornye yurisdiksii v global'noi i natsional'noi ekonomike: monografiya* [Offshore jurisdictions in the global and national economy: a monograph]. Moscow, Ekonomika Publ., 2008, 335 p.
 6. Bulatov A.S. [Russia in international capital movement: Turn of tendencies]. *Voprosy Ekonomiki*, 2017, no. 5, pp. 148–158. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2017-5-148-158>
 7. Krivopustova E.S., Andrianov V.D. [Offshore jurisdictions and deoffshorization of economy]. *Obshchestvo i ekonomika = Society and Economy*, 2014, no. 5, pp. 53–91. (In Russ.)
 8. Golovnin M.Yu. [Cross-border capital flows in Russia: Prospects for changing their internal and geographical structure]. *Finansy: teoriya i praktika = Finance: Theory and Practice*, 2020, vol. 24, no. 6, pp. 161–173. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2020-24-6-161-173>
 9. Kuznetsov A.V. [Direct investment from Russia abroad: Changes since 2018]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' = Social Sciences and Contemporary World*, 2021, no. 1, pp. 5–15. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.31857/S086904990013992-3>
 10. Kuznetsov A.V. [Evaluation methods of Russian direct investments abroad]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii = Economics of Contemporary Russia*, 2018, no. 4, pp. 37–50.
URL: https://www.ecr-journal.ru/jour/article/view/333?locale=ru_RU (In Russ.)

11. Andrianov V.D. *Prichiny, masshtaby i ekonomicheskie posledstviya ottoka kapitala iz Rossii. V kn.: Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya: sbornik statei* [Causes, scale and economic consequences of capital outflow from Russia. In: Russia: Trends and prospects for development: a collection of articles]. Moscow, Institute of Scientific Information for Social Sciences of RAS Publ., 2016, pp. 100–110.

Conflict-of-interest notification

I, the author of this article, bindingly and explicitly declare of the partial and total lack of actual or potential conflict of interest with any other third party whatsoever, which may arise as a result of the publication of this article. This statement relates to the study, data collection and interpretation, writing and preparation of the article, and the decision to submit the manuscript for publication.